

Никита Богословский впервые попал в советские энциклопедии лет сорок назад. С тех пор он неизменно присутствует в них. И то сказать: автор более 300 песен, среди которых — «Темная ночь», «Любимый город», «Спят курганы темные», «Три года ты мне снилась», «Давно не бывал я в Донбассе»... Богословским написаны симфонии, оперетты, балеты, музыка к ста кинофильмам. К тому же он еще и писатель-юморист... Интервью я начал со слов поздравления: завтра Никите Владимировичу исполняется 78 лет. Поэтому первый рассказ именинника был именно об этом —

0 дне рождения

— С каким настроением вы встречаете свой день?

— У меня есть железное правило: не унывать. Горе, над которым вы убиваетесь сегодня, через месяц покажется вам смешным. Так не откладывайте, посмейтесь прямо сейчас. Лично я только так и делаю. Вот, скажем, проблема, чем гостей угостить по случаю собственного праздника. Что ж, я не устраиваю пиров. Придут те друзья, которые не нуждаются в приглашениях. Придут не пожрать, а пообщаться. Для них не обязательно устраивать приемы со спаржей и артишоками, названия и вкус которых нашим людям сегодня просто неизвестны.

— А вы, Никита Владимирович, едали эти самые артишоки?

— Господи, ну конечно! Я ведь каждое лето уже лет 30 подряд езжу во Францию на месяц-полтора, где работаю со своими французскими коллегами, записываю музыку, выпускаю пластинки... Там можно не только артишоки попробовать, поверьте. Но, знаете, я без этих деликатесов в Союзе не страдаю.

Сегодня, например, приходил поздравлять меня старейший артист эстрады и цирка Константин Александрович Петровский. У него актерский стаж 75 лет. Играть начал еще до революции. Так вот. Петровский специально приехал из Ленинграда и привез мне тамошнее лакомство — жареную корюшку. Теперь будет чем гостей угостить.

Что же касается подарка ко дню рождения, то я его сделал себе сам. Только что получил сигнальный экземпляр новой книги, посвященной современному кинематографу. Это сатирический роман, после которого, боюсь, некоторые кинематографисты перестанут со мной здороваться, хотя я постарался «загримировать» свои персонажи.

0 работе

— Значит, праздник вы встречаете в трудах?

— Как сказать. Музыку, например, я пишу сейчас только для себя. В жанре советской песни, в котором я раньше много работал, сегодня не осталось исполнителей. Кстати, сам термин «советская песня» довольно загадочен для меня. Что это означает — принадлежность песни к определенной форме правления?..

Так называемую советскую песню сегодня петь практически некому. С симфонической музыкой похожая история: в провинции оркестры не укомплектованы. Мои произведения исполняют за рубежом, но я-то пишу для своей страны.

На старости лет начал изобретать новые музыкальные жанры. Вот, например, скетч для струнного квартета под названием «Отчетное собрание членов ЖСК». Или — сценка «Приемный день у начальника», где начальник поет, с текстом, все честь честью, а посетители —

местами, после которых стоит фраза «Шум в зале».

— Вам приписывают сочинение политических анекдотов.

— За мной только один такой грешок водится: «Солдат, уходящий в бой, говорит товарищу:

— Если не вернусь, считайте меня коммунистом!

— А если вернешься?»

делаю памятник Юрию Долгорукому, тот, что сейчас перед Моссоветом стоит. Как-то был у Сергея в гостях, а он жил над рестораном «Арагви». Памятника еще не было, а была только полутораметровая модель в мастерской. Мы посидели с Орловым, хорошо выпили. Поздно ночью я забрал эту мо-

Франко, с милым молодым человеком. Вместе ужинали, общались. Теперь он, между прочим, стал королем Испании. А тогда работал вместе с моим хорошим товарищем Мигелем Домингеном, бывшим в то время лучшим тореро мира. Кстати, вы знаете, что слово «тореадор» есть только в русском языке? Его

дедов мундир, и камергер стал похож на председателя рыболовецкого совхоза в черной фуфайке. А в 1937-м бабка это репинское произведение просто сожгла.

Но я дворянской кровью не кичусь. Остались, правда, кое-какие воспоминания детства, скажем, о родовых поместьях...

Никита Богословский:

СМОТРЮ В БУДУЩЕЕ С ОСТОРОЖНЫМ ОПТИМИЗМОМ

музыкальные инструменты. К примеру, приходит труба просить квартиру и, чтобы разжалобить чиновника, берет с собой пикколо-флейту, внучку. Гобой с восточной интонацией пытается взятку дать. По телефону распекает старший начальник — тромбон. Приходит пьяный хулиган — ударник. На диалоге персонажей строится весь сюжет.

— Вы не сказали о своих литературных опытах.

— Ну да. Продолжаю свой давний цикл «Заметки на полях шляпы», пишу ироническую фантастику.

0 «театре для себя»

— О ваших шутках и розыгрышах ходят легенды.

— Вы знаете, люди отдыхают по-разному. А у меня хобби — разыгрывать людей. Но — обязательно близких друзей, к тому же обладающих чувством юмора.

Драматургу Владимиру Дыховичному каждый год по весне я привозил на дачу в Пахру кролика, который — за два-три дня съедает все побеги на огороде. Как правило, о существовании кролика узнавали в тот момент, когда он доделал последний зеленый куст. Да и после этого поймать его было делом непротым. Эта история повторялась несколько лет подряд. Володя, чувствуя подвох, даже пытался обманывать мою машину, прежде чем пустить меня на дачу, но я все равно контрабандой провозил кролика. Хотя за пазухой.

— И на ваши розыгрыши никогда не обижались?

— Да нет. Я же знал прекрасно характер своих друзей и над теми людьми, которые могут обидеться, не шутил.

— А вы сами попадались на розыгрыши?

— Да, и меня пытаются разыгрывать.

0 политике и политиках

— Вижу, у вас на столе стопка свежих газет, книга Анатолия Собчака. Вы интересуетесь политикой?

— Нет, к политике как таковой я равнодушен. Меня это интересует как театр человеческих страстей. Вот вчера в Моссовете кто-то кому-то по морде дал. Ну, это так, к слову. А вообще отчеты обо всех этих съездах, сессиях меня привлекают теми

Мой язык мог много бед мне принести, но, как ни странно, обошлось. Все ограничивалось тем, что придерживали награды, звания... Скажем, такой эпизод. Руководил агитпропом ЦК партии некий Александров. Он же редактировал газету «Культура и жизнь», было это году в 1947-м. Газету я обозвал «Александровским централом», подразумевая, что она превратилась в тюрьму для талантов, «долбая» все маломальски интересное и достойное. Александров мне этого не простил и потом в глаза сказал, что лично вычеркнул меня из списков на госпремию. Ничего, я за званиями никогда не гнался...

Правда, в историю партии, членом которой никогда не был, я все же вошел благодаря ЦК. В знаменитом постановлении по фильму «Большая жизнь» мои песни были названы «кабацкой меланхолией, чуждой советскому народу». А песни были такие: «Три года ты мне снилась» и «Спят курганы темные». Народ их все равно пел...

— А музыку по заказу слыше вам приходилось писать?

— Никогда в жизни! Но я не осуждаю коллег, которые прославляли, скажем, Сталина. Иные делали это по убеждению, от чистого сердца. Например, Мурадели. Он был убежденный коммунист, темпераментный человек. Писал от души, и у него получалось. Кстати, по музыке несколько песен о Сталине были просто очень хорошие. Например, у Блантера, которого я как человека, кстати, терпеть не мог. У Хачатуряна, Новикова. А про халтурщиков я не буду говорить. То, что они делали, — однодневки.

0 Москве и москвичах

— Чувствуете ли вы себя москвичом, Никита Владимирович?

— Будучи ленинградцем, я чувствую себя москвичом. И все-таки... С городом на Неве связывает память детства, учеба в консерватории. Нет, Москву я тоже люблю. У меня даже есть медаль за 800-летие Москвы. Было такое празднование. Позже выяснилось, что Москве не 800, что она лет на 150 старше, но медали уже отлили, не забирать же!

Кстати, расскажу вам шутку... Я был приятелем со скульптором Сергеем Орловым, который

дель и установил ее на месте, отведенном для памятника. И сутки она, модель, там стояла. Все думали, что так и нужно. Милиция охраняла, люди смотреть ходили. Потом только спохватились. Закончилось тем, что Сережка модель обратно в мастерскую утащил, проклиная меня по дороге.

Но все мои московские шутки, розыгрыши, к сожалению, в прошлом. Сегодняшний город мне не нравится. Москва у меня сохранилась в памяти как милый, уютный, чистый город с прекрасными, веселыми, доброжелательными и гостеприимными людьми. Так ведь было когда-то. Сейчас все совсем по-другому. Поэтому я стараюсь поменьше бывать в городе. Меня огорчает то, как сегодня все раздражены, угрюмы, озабочены.

0 друзьях-товарищах

— Знакомством с какими людьми вы гордитесь?

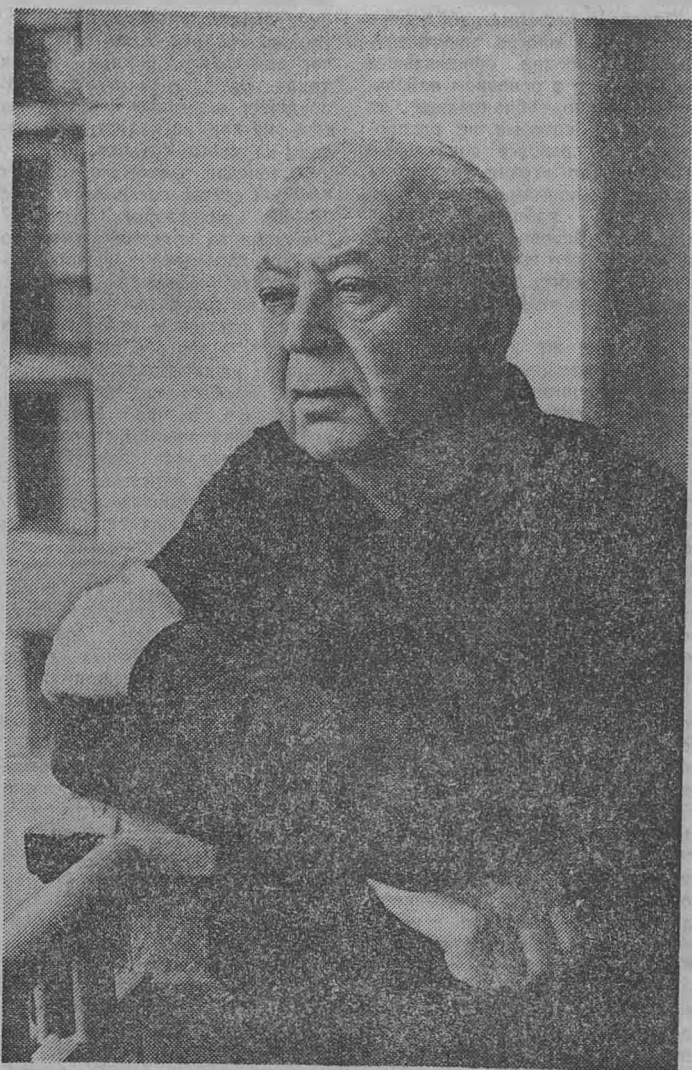
— Их будет довольно много. Жизнь на долгое время связала меня с Леонидом Осиповичем Утесовым. Потом — дядя Миша Зоценко. В дружеских отношениях с юношеских лет я был с Дмитрием Шостаковичем. С Хачатуряном мы просто приятельствовали. Долгое время я жил в доме над Сергеем Сергеевичем Прокофьевым. Когда ему надоело, что я по ночам играю на рояле, он стучал мне в потолок шваброй. Если же он начинал с утра музицировать, а я, признаться, любитель поспать, я не решался стучать каблуком в пол, чтобы не мешать творческому процессу гения. Много раз бывал в Царском Селе у Алексея Николаевича Толстого...

Во Франции у меня много друзей. Жан Марэ, Мишель Легран, Жаклин Франсуа... Да много актеров, кинематографистов!

Похвастаюсь: французы меня даже наградили своим орденом искусств. А из советских награжден знаменитую картину «Заседание Государственного Совета», она экспонируется сейчас в Ленинграде. И там, на картине, в углу, почти не видимый за колонной, стоит мой дед, который был камергером царского двора.

— А это правда, что однажды в самолете вы целые сутки лежали рядом с Керенским?

— Правда. Да много было всяких вещей! Например, я познакомился в Испании, еще при

придумали для ритма когда «Кармен» переводили. В том мире есть матадор и тореро...

Вот так я познакомился с Хуаном Карлосом, будущим испанским королем.

0 Петербурге и голубой крови

— Как вы относитесь к возможному переименованию Ленинграда?

— С полным энтузиазмом. Сам я родом из петербургских дворян, и мне было бы приятно возвращение старого названия. Хотя я полагаю, что это дело сегодня не пройдет. Сегодняшний Ленинград — это действительно не Петербург. Люди, извините, другие. Традиции старых петербуржцев растеряны.

— В анкетах вы всегда указывали, что из дворян?

— С моим дворянством связана одна интересная история. Когда-то Репин написал свою знаменитую картину «Заседание Государственного Совета», она экспонируется сейчас в Ленинграде. И там, на картине, в углу, почти не видимый за колонной, стоит мой дед, который был камергером царского двора.

Дома у нас все время висел репинский эскиз с дедом. В 34-м году, после Кировских дел, моя бабка так испугалась репрессий, что замаскала черным расшитый золотыми листьями

Карповке и Березайке. Я там после революции не был. Знаю только, что в Карповке в нашем имени кажется, Дворец пионеров. А Березайку, это в Тамбовской губернии, еще во время антоновского мятежа просто сожгли. Как вы понимаете, я на эту собственность не претендую.

0 настоящем и будущем

— Что будет завтра, не задумывается?

— В отношении будущего у меня только один момент — любопытство. Жизнь я прожил, и сейчас просто интересно — что дальше, с какой стороны последует удар. В бытовом плане у меня только одна опаска — что в Москве будут плохо топить. Очень холода не люблю.

Переходный период перестройки уж больно затянулся. Неопределенность очень мешает. Когда сказали о программе «500 дней», наверное, это была иллюзия или фантазия, но появилась ориентировка во времени. Сейчас же только тревога.

Однако я знаю твердо: такой нарсд, такая страна не могут погибнуть. Поэтому я смотрю в будущее с осторожным оптимизмом.

Беседу вел
Андрей ВАНДЕНКО.
МОСКВА.